

нию, некоторые группы изучены не самим Ж. Оливье, а его сотрудниками, что резко снижает ценность собранных данных. Правда, просмотр материала показывает, что он собирался аккуратно, с соблюдением необходимых предосторожностей и, по-видимому, при постоянной консультации между исследователями. Отсутствие данных по другим дравидийским и индоарийским народам также серьезно ограничивает возможности Ж. Оливье в сопоставлении представителей мелано-индийского типа с представителями других типов и в выяснении их взаимосвязей. Поэтому его материал больше пригоден для решения второй из поставленных им задач.

Недостаточный охват территориальных групп восполняется обширной программой измерений. Помимо признаков, фиксируемых обычной соматологической программой, у всех исследованных определялись пропорции тела, группы крови, пальцевые узоры, различия в способности к цветному зрению. Таким образом, книга Ж. Оливье содержит не только морфологические, но и некоторые функциональные характеристики тамильских групп, и восполняет многие пробелы, существующие в наших знаниях о вариациях отдельных признаков на территории Южной Индии. К ней приложены таблицы индивидуальных измерений всех исследованных и фотографии разных типов.

Каковы результаты рассмотрения всех этих материалов? По-видимому, сейчас можно достаточно определенно утверждать, как это и делает Ж. Оливье, что у тамиллов наблюдается то же соотношение между расовым типом и кастой, что и в Северной Индии: брахманы отличаются большей концентрацией особенностей европеоидного типа. При сравнении с представителями касты шудр выявляется, что они имеют более светлую пигментацию, более прямые волосы, более узкое лицо, более узкий нос. При этом не следует, конечно, забывать того, что было сказано выше о возможных методических расхождениях между сотрудниками Ж. Оливье. Но в данном случае различия проявляются по признакам, по которым разные типы населения Индии вообще отличаются друг от друга, и имеют закономерный характер. Иными словами, обычное соотношение между этими признаками на территории Индии такое же, как и у представителей исследованных групп. Вероятность того, что случайные различия, вызванные расхождениями в методике, могли бы иметь такое же соотношение, ничтожно мала. Таким образом, вторая задача, поставленная Ж. Оливье, решается достаточно удовлетворительно. Положительный результат, достигнутый при сопоставлении расового типа и принадлежности к касте, по-видимому, позволит в дальнейшем, когда будут накоплены достаточно значительные материалы по антропологии народов Индии, использовать их вместе с историческими данными для выяснения происхождения отдельных каст.

По дерматоглифическим показателям исследованные тамилы сближаются с индоарийскими народностями. Но вариации этих узоров на территории Индии вообще, по-видимому, не очень значительны. При сравнении процентного соотношения групп крови народы Индии, в том числе и тамильские группы, также не обнаруживают определенных различий. Что же касается сопоставления соматологических признаков, то оно, как уже отмечалось, затруднено выборочностью материалов Ж. Оливье и необходимостью привлекать для сравнения данные других авторов, несопоставимые с его собственными. Поэтому отмечаемые им отличия тамиллов и других дравидийских народов от индоарийцев и веддов в одних признаках, по-видимому, преувеличены, в других наоборот — приуменьшены. Он сам склоняется к тому, чтобы выделить мелано-индийский тип в качестве особой расы, отличной от веддоидной. Одного характера связи между признаками в тамильских группах говорит о том, что они занимают с общим промежуточное положение между индоарийскими народами Северной Индии и веддами. А это свидетельствует скорее в пользу смешанного происхождения. Таким образом, решение первой задачи, которую поставил перед собой Ж. Оливье, спорно и оставляет много дискуссионных вопросов.

Рецензируемая книга полезна, так как она вводит в науку новые данные об антропологическом типе малоизученных народов. Но она лишняя раз напоминает о том, что эффективность таких данных могла бы быть значительно больше, если бы они были собраны на достаточно обширной территории и охватывали разные этнические группы.

В. Алексеев

H. F. Schurmann. *The Mongols of Afghanistan. An Ethnography of the Moghòls and Related Peoples of Afghanistan*, The Hague, 1962, 436 стр. + 1 карта.

Книга профессора Калифорнийского университета Г.-Ф. Шурманна посвящена этнографии афганских монголов, потомков монгольских завоевателей, когда-то осевших на территории современного Афганистана. Автор этой книги известен как востоковед с широкими научными интересами, в частности как монголовед¹.

¹ См., например, его труд по истории монголов «Economic Structure of the Yuan Dynasty». Cambridge, Mas., 1956. Рецензии на эту работу дали P. Ratchevsky в журн. «Orientalische Literaturzeitung» (1958, № 9/10, S. 481) и Н. Мункуев в журн. «Сов. ки-таеведение» (1958, № 2, стр. 181—185).

Г.-Ф. Шурман справедливо указывает в предисловии, что «эта книга представляет собой этнографию народа, едва ли известного в самом Афганистане и почти полностью не известного внешнему миру» (стр. 7). Действительно, об афганских монголах наука располагала до последнего времени крайне скудными данными. С тех пор, как в 30-х годах XIX в. Р. Лич собрал в Афганистане некоторые лингвистические материалы, которые являлись образцами монгольской речи, было признано, что в Афганистане продолжают обитать монголоязычные народности. Р. Лич назвал эти народности моголами-аймаками², но Г.-К. фон дер Габеленц в свое время высказал предположение, что они являются хезарейцами или аймаками, а может быть, теми и другими одновременно³. В 1903 г. Г.-И. Рамстедт записал некоторые образцы монгольской речи на русско-афганской границе севернее Герата⁴, но он не был в самом Афганистане и поэтому не мог сказать чего-либо нового о самих носителях этого языка. В 1936 г. известный венгерский монголовед Л. Лигети⁵ побывал в Афганистане. В 1952 г. в докладе, прочитанном им на собрании членов Академии наук Венгерской Народной Республики, было сообщено о том, что он готовит книгу о языке афганских монголов, но материалы его до настоящего времени не опубликованы. Как было известно Г.-Ф. Шурману, в конце 40-х годов нашего столетия американец Мак-Кензи проехал через несколько монгольских поселений в Афганском Туркестане, сделал фотоснимки и составил небольшой словарь языка моголов, но его материалы также не опубликованы. Однако, как отмечает автор, все эти работы посвящены языку афганских монголов и представляют мало интереса с точки зрения этнографии.

Работа Г.-Ф. Шурмана — результат двух путешествий автора по Афганистану в 1954 и 1955 гг. Весной 1954 г. он вместе с японским профессором Ивamura Синобу провел этнографическое обследование северного Афганистана, где он впервые встретил могольские поселения⁶. В 1955 г. автор вместе с другим американцем Э. Ландауэром посетил все могольские поселения в Афганистане в то время, когда японская научная экспедиция во главе с профессором Ивamura Синобу работала в районе д. Зирни в Горате (Гур) — районе первоначального обитания афганских монголов⁷.

Книга состоит из предисловия и четырех глав. В первой, вводной, главе автор рассматривает происхождение афганских монголов. Глава II посвящена этнографическому описанию народов Афганистана (самых афганцев, аймаков, таджиков, туркмен, узбеков, тюрко-монголов из района Бадахшана, арабов, сандов, евреев, индусов, казахов, хезарейцев и других малых народностей страны). В главе III «Моголы Афганистана» рассматриваются места расселения моголов, их племенная организация и социальная структура, а также социальная организация таджиков из Мушкана для сравнения с моголами, социальное расслоение, местное управление, религия, права наследования, торговля, землевладение, земледелие, налоги, жилища у моголов и пр. В главе IV дается этнографическое описание моголов, обитающих в районах Герата, Туркестана, Каттагана и Бадахшана.

Современные моголы, как полагает автор, по своему происхождению восходят к племени никудэри (nikūdāri). Это племенное название связано с именем Никудэр Оглана, внука Чагатая, второго сына Чингис-хана. Никудэр Оглан после неудачной попытки напасть на монгольского правителя Персии Абага (1265—1282) бежал со своим войском в равнинные районы Персии и там еще долго беспокоил местное население и путешественников своими грабительскими набегами. Впоследствии Газан-хан (1295—1304), другой правитель Ирана, хотел поселить их в Ираке, но они вернулись обратно в Сеистан; впоследствии остатки их бежали в Афганистан. Иначе говоря, моголы восходят к одной из частей чагатайских монгольских войск, которые после неудачных войн со своими сородичами — монгольскими правителями Ирана в конце XIII в. — остались в Персии и влились в число отрядов, грабивших караваны и местное население. Как отмечает автор, в различных источниках, относящихся к периоду до XVI в., племя никудэри упоминается очень часто. Из сочинений Абуль Фазля (XVI в.) и Бабура, основателя династии Великих Моголов в Индии (1526—1530), очевидно, что в XVI в. к западу от

² См.: R. Leech, A Vocabulary of the Language of the Moghol Aimaks, «Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal», Calcutta, 1838, № 7, стр. 785—787, cp. L. Ligeti, Le lexique moghol de R. Leech, «Acta Orientalia», 1955, 4, стр. 119—157.

³ H. C. Von der Gabelentz, Über die Sprache der Hazāras und Aimaks, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1866, 20, стр. 326—335, 612—613.

⁴ G. J. Ramstedt, Mongolica: Beiträge zur Kenntnis der Mongolsprache in Afghanistan, «Journal de la Société Finnoougrienne», 1906, 23, стр. 1—60.

⁵ Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках Афганистана, «Acta Orientalia», 1955, 4, стр. 93—119.

⁶ См. Iwamura Shinobu and H. F. Schurmann, Notes on mongolian Groups in Afghanistan; Silver Jubilee Volume of the Zinbun — Kagaku — Kenkyusyo — Kyoto University, Kyoto, 1954, стр. 480—515.

⁷ О японской экспедиции см.: Ивamura Синобу. Могору-цокү во тацунете («В поисках моголов») в кн.: Кихара Хитоси, Собаку то бьёга но танкен («Исследование пустынь и ледников»), Токио, 1956, стр. 77—104.

Кабула в горных районах обитали две отличные друг от друга этнические группы: хезарейцы и никудэри; и те и другие в какой-то степени были монголоязычны (стр. 18). Никудэри во времена Тамерлана (1370—1405) все еще являлись кочевниками, и их зимние стоянки находились в районах по нижнему течению р. Гильменда, а летние стойбища их располагались в горах Гората и Хезараджата (стр. 19). По гипотезе Г.-Ф. Шурманна, никудэри, как и другие кочевые племена, появились в Горате с юга, из Персии, в период между концом XIV и началом XVI в., вероятно после того, как у них был нарушен нормальный цикл кочевания в Персии в результате завоеваний Тамерлана. Хотя они большей частью состояли из монголов и были монголоязычны, но представляли собой смесь элементов различных племен (стр. 21—22). В настоящее время потомки никудэри — моголы представляют собой оседлое население. Однако у них сохраняются некоторые пережитки кочевого образа жизни.

Автор связывает проблемы этногенеза хезарейцев и моголов. В диалекте персидского языка, на котором говорят современные хезарейцы, встречаются некоторые слова монгольского происхождения (названия некоторых частей тела, отдельных животных и растений), но, по наблюдениям Г.-Ф. Шурманна, в настоящее время очень трудно установить прямую языковую связь между хезарейцами и моголами путем сравнения диалектов персидского языка, на которых говорят эти народы. Тот факт, что хезарейцы в настоящее время совершенно не говорят на монгольском языке, показывает, что они приняли персидский язык как свой, родной, гораздо раньше моголов.

Современные хезарейцы по образу жизни и культуре в значительной степени напоминают горных таджиков, и у них не обнаруживаются никаких следов бывшего кочевого образа жизни. Но когда-то они были кочевниками, появились в Хезараджате как завоеватели, подчинили местные племена и обосновались там как наследственные правящие группы. По предположению автора, эти завоеватели-кочевники первоначально были монголоязычны. Ко временам Бабура хезарейцы существовали уже как особая народность. Между периодами правления Тамерлана и Бабура они продвинулись вверх по р. Гильменд в районы Горат и Хезараджат (стр. 25—29).

Если монгольские элементы у хезарейцев и моголов — общего происхождения, то дальнейшее развитие этих народов пошло по разным путям. В настоящее время моголы как этническая и социальная единица находятся накануне полного исчезновения: во всей стране их насчитывается всего несколько тысяч. «Хезарейцев же в Афганистане более 500 тысяч; не сохранив своего языка, в отличие от моголов, они тем не менее обнаруживают, по сравнению с ними, большую живучесть своих культурных традиций, а в социальной жизни — значительную роль патри-кланов (подобно горным таджикам)» (стр. 32).

Наличие монгольских слов в диалекте, на котором говорят хезарейцы, указывает на существование у них в прошлом культурного контакта с монголами, но, как отмечает автор, они, вопреки мнению Елизабет Бэкон, назвавшей хезарейцев хезар-монголами⁸, представляют собой «смешанное население, составленное из иранского субстрата с сильным монгольским наслоением. Моголы также обнаруживают значительные признаки расового и культурного смешения (с другими народами), но они являются единственной группой, которую можно назвать монголами в собственном смысле слова» (стр. 17). В связи с этим отпадает упомянутая выше теория Г.-К. фон дер Габеленца, которая была основана на открытии Р. Личем элементов монгольского языка в начале XIX в. у народов, названных им могол-аймаками. По этой теории носители языков с монгольскими элементами отождествлялись с аймаками и хезарейцами. Этническая группа моголов, как отмечает автор, не имеет в действительности непосредственного отношения ни к аймакам, ни к хезарейцам» (стр. 52).

Моголы в современном Афганистане проживают разбросанно по всей стране: большая группа — вблизи Герата, некоторые моголы — в районах городов Майманы, Кундуз-Баглана и Кандагара. Однако первоначально поселения моголов находились в горном районе Горат (Гур), расположенном между областями Герат, Бадгис, Гарджистан и Заминдавар и составляющем территорию современного административного дистрикта 1-го разряда (*hukūmat* — *i kalān*) Гура (стр. 159—160). Под влиянием тяжелых экономических условий у себя на родине они стали мигрировать в другие части страны сравнительно недавно, приблизительно последние сто лет. Если в половине прошлого века моголы составляли одну из главных этнических групп населения района Горат, то теперь их там (как и вообще в стране) осталось мало (стр. 15). Тем не менее Горат и теперь — главный район расселения моголов в Афганистане.

Все могольские деревни Гората расположены к югу от административного центра района Тайвара. Моголы в этом районе составляют две основные племенные группы — буркути и аргуни; буркути проживают в западной части района могольских поселений, а аргуни — в восточной. Могольских деревень немного и они очень малы, самая большая из них — Зирни (*Zirni*) — насчитывает около сотни дворов и 400—500 жителей (стр. 163).

Моголы в Афганистане — единственная этническая группа, которую можно назвать

⁸ Elizabeth E. Bacon, An Inquiry into the History of the Hazara Mongols of Afghanistan, «Southwest Journal of Anthropology», 1951, 7, стр. 230—247.

монгольской, но в настоящее время монгольский язык уже не является их общим языком, как это было в недавнем прошлом, по мнению Г.-Ф. Шурманна (стр. 15). В Горате многие могольские старики в какой-то степени еще помнят свой язык. В районе Герата моголы, по всей вероятности, являющиеся первыми переселенцами из Гората, все еще свободно говорят по-монгольски, но в остальных районах страны моголы уже говорят на персидском или пушту (стр. 16, 166—168).

Автор книги собрал значительный материал о родоплеменном делении у моголов и по его данным, «люди в общем знают тот факт, что, с одной стороны, они являются членами какой-то большой общей группы по происхождению, как «могол» или «аргуни», и что, с другой стороны, они являются членами маленькой, в значительной степени локальной общей группы по происхождению. Однако большинство опрошенных четко не знали отношений между меньшими и большими группами по происхождению и сведения по этому вопросу обычно были путаными» (стр. 169—170).

Моголы, так же как остальное население Гората (таймани, таджики и др.) — сунниты (стр. 248). При этом в могольских деревнях (как и в других) «мулла больше всех почитается не из-за своего положения муллы... Если он стар, имеет много земли и начитан в коране, то он не только пользуется уважением, но обладает большим влиянием на односельчан» (стр. 250). Моголы, как и другие группы населения Гората, — ревностные приверженцы суннизма и питают вражду к хезарейцам — шиитам.

Браки у моголов совершаются обычно в пределах своих деревень, хотя не запрещается брать невест из других деревень и другой национальности. Разрешается женитьба на дочерях брата отца, брата матери, сестры отца и сестры матери, хотя это, как было сказано автору, не является обычаем (gawaj). Женитьба же на вдове умершего брата (левират) является обычаем, однако требуется согласие отца этой вдовы и ее самой. В одном случае Г.-Ф. Шурманн получил информацию, что вдова с детьми не должна обязательно выходить замуж за брата мужа и может остаться в его семье для воспитания детей. Если вдова решает уйти из дома умершего мужа, то дети остаются в его семье. Многоженство у моголов встречается редко и только по экономическим причинам. Не разрешается жениться одновременно на двух сестрах, но можно брать в жены сестру жены после смерти последней. Отец жениха обязательно должен заплатить «цену» невесты (Piš — kās) и настолько значительную, что из-за несостоятельности многие не могут жениться (стр. 195—197). Что касается свадебных обрядов, то они, как и формы брака, слабо отличаются от обрядов их соседей — таймани и таджиков, а также обрядов советских хезарейцев и джемшидов, описанных в свое время Э. Г. Гаффербергом (стр. 208)⁹.

Автор собрал большой материал о праве наследования у моголов и у других народностей Афганистана. Он отмечает, что в Горате и у хезарейцев после смерти отца собственность семьи, особенно земля, обычно остается в общем владении его сыновей, несмотря на то, что по корану предусматривается раздел имущества в таких случаях (стр. 247).

В отличие от Герата, где преобладает крупное землевладение, в Горате, где обитают моголы, большинство земель находится в руках мелких землевладельцев и обрабатывается безземельными и малоземельными арендаторами и батраками-издольщиками. По наблюдениям автора, моголы составляют чуть ли не самую бедную часть населения в районе Горат, а также в других частях страны, причем среди самих моголов не наблюдается значительной классовой дифференциации.

В книге Г.-Ф. Шурманна содержатся сведения по многим другим проблемам. Укажем лишь, что при рассмотрении их автор привлек большую литературу, в том числе работы русских и советских авторов (Н. В. Ханькова, В. В. Бартольда, Д. Д. Букиннича, Н. И. Вавилова, С. П. Толстова, С. И. Брука и др.). Издание снабжено хорошими указателями и библиографией. Работа Г.-Ф. Шурманна, представляющая в значительной части результат личных наблюдений, — важный труд по этнографии многих народностей Афганистана вообще, особенно ценна данными о моголах, этой исчезающей малой народности, что поможет изучению истории монголов в других странах.

Н. Мункуев

⁹ См.: Э. Г. Гафферберг, *Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ*, «Сов. этнография», 1936, № 1, стр. 81—105.